

На правах рукописи

АНДРЕЕВ Иван Андреевич

**ФЕНОМЕН «МЯГКОЙ» СИЛЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ,
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва 2023

Работа выполнена в Центре политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Научный руководитель: **Михайлёнок Олег Михайлович**
доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследования социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Официальные оппоненты: **Антюхова Екатерина Андреевна**
доктор политических наук, доцент, зам. декана факультета управления и политики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД РФ).

Наумов Александр Олегович
доктор исторических наук, руководитель Центра изучения проблем «мягкой силы» и «цветных революций» факультета государственного управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Ведущая организация
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Защита состоится « 31 » октября 2023 г. в 15 часов на заседании Диссертационного совета ПДС 1000.007 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, к. 2, ауд. 415.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться:

1. На сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации: www.vak.ed.gov.ru
2. На сайте Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы: <http://dissovet.rudn.ru>
3. В информационно-научном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан « ____ » сентября 2023 г.

Ученый секретарь ПДС 1000.007

Д.Б. Казаринова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Политика во все времена была сферой борьбы за власть, влияние и интересы. Однако формы этой борьбы определяются конкретными историческими условиями. Изменения этих форм в свою очередь отражаются в развитии политической теории. Одной из сравнительно недавних, но уже успевших доказать свою научную и практическую значимость актуальных теоретических инноваций, является концепция «мягкой» силы. «Мягкая» сила понимается как способность социально организованных акторов публичного политического пространства, в первую очередь государств, добиваться своих целей путем убеждения и завоевания симпатии со стороны взаимодействующих с ними участников политических процессов. Такая постановка вопроса, возникшая на рубеже 1980-х и 1990-х гг., отразила эволюцию инструментально-технологической стороны политики в той исторической ситуации, когда «мягкая» сила из вспомогательного инструмента, каким она была на протяжении столетий, стала превращаться в фактор *стратегического* значения. И ныне концепт «мягкой» силы уже стал неотъемлемым элементом современного политического мышления.

Актуальность проблематики «мягкой» силы определяется необходимостью осмысления как современных политических практик, так и тех новых, чрезвычайно широких инструментальных возможностей, которые открывает применение «мягких» воздействий в эпоху цифровых информационных технологий и глобальных информационных сетей, а в будущем и искусственного интеллекта. Очевидно, что такие технологии, в особенности технологии формирования «картин мира», идентичностей, вкусов, ценностных установок миллионов людей, в недалеком будущем приобретут еще большее значение, что может привести к существенному реформатированию известных на сегодня моделей политики. Исходя из этого, разработку проблематики «мягкой» силы можно охарактеризовать как одно из перспективных, авангардных направлений политической науки. Рискнем даже высказать предположение: от того, как пойдет осмысление этой проблематики, во многом зависит облик, который в дальнейшем примет вся политическая наука в целом.

Между тем, за то время, которое концепция «мягкой» силы находится в научном обращении, она, на наш взгляд, так и не была доведена до уровня непротиворечивой, логически связанной теории с четко очерченной предметной областью. Как первоначальная концепция, так и предложенные в дальнейшем её модификации, оказались уязвимыми для критики. По этой причине изучение феномена «мягкой» силы по-прежнему остается не решенной до конца научной задачей. Трактовка «мягкой» силы в ее первоначальном,

«базовом» варианте была основана на политическом опыте США и представляла американские технологии политического влияния как своего рода парадигмальный образец «мягкой» силы. И это было не просто некой теоретической аберрацией, но и фактором реальной политики: такая трактовка становилась своего рода затемняющим фильтром, мешающим видеть и адекватно оценивать ресурсы, которые не «прописаны» в нормативных теориях американского происхождения. Поэтому развитие теории «мягкой» силы с ориентацией на опыт западных стран, в том числе и на российский опыт, могло бы стать определенным вкладом в политическую науку и вместе с тем способствовало бы повышению эффективности инструментов влияния России несмотря на активное противодействие ее политическим стратегиям и идеям.

Степень научной разработанности темы исследования. Технологии политического влияния, опирающиеся на создание привлекательного образа субъекта влияния, известны с давних времен. Однако проблематика «мягкой» силы как таковой в качестве особого направления исследований разрабатывается в политической науке лишь с начала 1990-х гг. Сам термин предложил американский теоретик, а в прошлом высокопоставленный чиновник Госдепартамента и министерства обороны США Дж. Най, разработавший концепцию «мягкой» силы в серии получивших широкую известность работ, в том числе монографических¹. Уже первые его публикации на эту тему вызвали оживленные дискуссии, в которых участвовали не только политологи, но и действующие политики. С учетом критических замечаний, концепция «мягкой» силы была значительно модифицирована. Но эти модификации не помогли довести концепцию до безусловного соответствия критериям валидности научной теории. Не было, в частности, прояснено и место концепта «мягкая сила» в системе категорий политической науки, включая такие ключевые её понятия, как «власть», «влияние», «политическая идеология», «политическая культура» и др.

В этой связи необходимо отметить, что вопрос об актуальности дальнейшей разработки проблематики «мягкой» силы отнюдь не сводится к запросам научного перфекционизма. Ещё более важным фактором постоянной реактуализации этой проблематики является динамизм политических практик и изменение условий применения различных инструментов и технологий политического влияния. По сравнению со временем формирования концепции «мягкой» силы и периодом её освоения в экспертном сообществе и интеллектуальной среде политической науки эти условия существенно изменились.

¹ Наиболее известная из его книг - Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006.

Возникает, в частности, вопрос: сохраняет ли «мягкая» сила свою прежнюю политическую роль в условиях предельного обострения конфликтов между коллективным Западом и Россией, а также (пока, правда, в несколько меньшей степени) между коллективным Западом и КНР? Или же инструменты «мягкого» влияния вновь, как это было ещё в сравнительно недавнем прошлом, уступают своё место стратегиям вооружённого давления и различного рода санкций? Дж. Най считает, что это не так², в чём, пожалуй, можно было бы с ним согласиться. Мы полагаем, что специфика современной ситуации как раз и состоит в том, что переход к политике вооружённых противостояний не только не сводит на нет роль «мягкой» силы, но, как это ни парадоксально, даже повышает её значение. С одной стороны, использование её инструментов позволяет умерить готовность противников перейти ту черту, за которой начинается подпитываемое категорическим взаимным неприятием тотальное противостояние, с другой же стороны она начинает выступать как один из элементов так называемых «гибридных войн», включающих в себя информационные противостояния и своего рода «войны имиджей». Таким образом, запрос на «мягкую» силу как таковую не аннулируется, но способы её применения меняются. Соответственно должны корректироваться и наши представления о возможностях «мягкой» силы и границах этих возможностей. Однако для разработки соответствующих меняющимся условиям стратегий «мягкой» силы необходимо заново осмыслить природу этого феномена в более широком плане, том числе – на основе его рассмотрения с самых разных позиций, отражающих различия в политическом опыте, менталитете, традициях, а также в технологических и институциональных возможностях.

В этой связи особый интерес представляет разработка концепции «мягкой» силы в КНР, где данная проблематика тесно увязывалась не только с внешнеполитическими стратегиями Пекина, но и с более общими вопросами создания «хорошего общества» (в китайском его варианте воплощенного в так называемом обществе *сяо кан*). Поучительно, что для китайской трактовки «мягкой» силы характерна иная расстановка акцентов, чем для англо-американской – китайцы выдвигают на первый план не права человека и демократию, а богатые культурные традиции Поднебесной. Развивая эту тему, китайские авторы

² Joseph S Nye, jr. Says more... // Project Syndicate, Jun 6, 2023. URL: https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=6c92d09c6e-sunday_newsletter_06_11_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc_cid=6c92d09c6e&mc_eid=aa1eebfd2 https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=6c92d09c6e-sunday_newsletter_06_11_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc_cid=6c92d09c6e&mc_eid=aa1eebfd2 (access 11.06.2023).

разработали оригинальную концепцию «могущественного культурного государства»³. Фактически китайская политическая мысль первой попыталась дать самостоятельную трактовку «мягкой» силы, альтернативную той, которую вслед за Дж. Наем развивают на Западе, и этот опыт полезно осмыслить, в том числе в контексте сравнительных сопоставлений и решения актуальных проблем современной политики.

В последние годы «мягкой» силе уделялось большое внимание и в исследованиях российских ученых. Критическому анализу взглядов Дж. Наея и общим проблемам теории «мягкой» силы посвящены монографии и статьи таких известных российских авторов, как А.В. Торкунов, М.А. Неймарк, Е. А. Антюхова, О.А. Наумов, О.Г. Карпович, М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, П.Б. Паршин, О.Ф. Русакова, Л.Р. Рустамова, О.Г. Леонова, Н.Н. Федотова, Г.Ю. Филимонов, А.В. Манойло, Е.Б. Шестопап, Н.В. Юдин и др.⁴ За последние полтора – два десятилетия было защищено немало кандидатских, а также докторские диссертации по данной проблематике. С течением времени поток публикаций по «мягкой» силе дробился на тематически специализированные «ручейки». С одной стороны, это работы по «мягкой» силе отдельных стран и её воздействию на другие страны и регионы⁵,

³ Зиневич О.В., Селезнёва Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 36 – 54; Наумов А.О., Положевич Р.С. Проблематика «мягкой силы» в китайском научном и общественно-политическом дискурсе: история и современность // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2021. № 71 С. 74 – 82.; Чжань Десюн. Китайское «могущественное культурное государство» и западная культура // Иносми.ру, 25.03.2010. URL: <https://inosmi.ru/fareast/20100325/158804621.html> (дата посещения 24.05.2020); Shao-Cheng Sun. The Confucius Institutes China's Cultural Soft Power Strategy // Journal of Culture and Values in Education. 2023. Vol.6. № 3. P.52 – 68

⁴ Монографические издания: Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. – М.: Изд. МГУ, 2020; Неймарк М.А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России. М.: Дашков и К^о, 2023; Неймарк М.А. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. 2-е изд. М.: Дашков и К^о, 2022; Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. М.: КноРус, 2021; Lebedeva M.M. Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation. L.: Routledge, 2021; Торкунов А.В. По дороге в будущее. 4-е изд., переработанное и дополненное. М.: Аспект пресс, 2020; Харитонова Е.М. Мягкая сила Великобритании. М.: ИМЭМО РАН, 2018; Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015.

Статьи: Манукян А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 133 - 137; Косякина А.С. Российский подход к концепции «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63 - 75; Федотова Н.Н. Мягкая сила России: вызовы и перспективы // Вестник гос. университета Дубна. Сер. Науки о человеке и обществе. 2022. № 2. С. 10 - 17; Наумов А.О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Наея // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223 - 229; Шестопап Е.Б. «Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 90 - 102; Емельянова Н.Н. Использование коллективной памяти как инструмента «мягкой силы» // Вестник Моск. университета. Сер. 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 83 - 90; Леонова О.Г. Политика «умной силы» – продукт эволюции «мягкой силы» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 25 - 32; Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 122 - 133; Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 2 (35). С. 22 - 29; Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Наея «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 134 - 163 и мн. др.

⁵ Например: Шангараев Р.Н., Исаков А.С. Роль «мягкой силы» во внешней политике Турции // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 9. С. 3056 - 3066; Дубасова П.К. Культура и культурная дипломатия как основной

а с другой – исследования, посвященные различным факторам привлекательности, из которых складывается «мягкая» сила, её, если так можно выразиться, «смысловой огранке», а также обеспечивающим её функционирование институциональным структурам и технологиям⁶.

Данная дифференцирующая тенденция способствует детальной проработке многих конкретных вопросов, связанных с пониманием механизмов взаимодействия между политическими субъектами, располагающими набором институциональных и технологических возможностей по применению «мягкой» силы. Но целостное представление о «мягкой» силе как особом политическом феномене при этом в значительной мере «размывается». В последнее время в общем потоке публикаций о «мягкой» силе преобладают case-studies описательного характера, и лишь в отдельных немногочисленных работах предпринимались попытки обобщения на основе сопоставительного анализа институтов и практик использования «мягкой» силы различными государствами⁷. При этом и в российских, и в зарубежных публикациях «мягкая» сила обычно представлена как некая данность, без развернутого анализа того, как формировались и изменялись со временем смысловая конструкция, институциональные основы и технологии её применения.

В этом контексте хотелось бы также обратить внимание на то, что со времени первых работ Дж. Ная и вплоть до настоящего времени в общем потоке публикаций доминирует

инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии // Россия в глобальном мире. 2022. № 24 (47). С. 7 - 22; Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 10. С. 63 - 77; Зарянский С.А. Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы // Дискурс-пи. 2021. № 2. С. 91 - 110; Устинович Е.С., Переверзева О.В. «Мягкая сила» Испании: потенциал и проблемы наращивания // Вестник Юго-Западного гос. ун-та. Сер. История и право. 2020. Т. 10. № 6. С. 154 - 166; Мохаммад М.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике королевства Саудовская Аравия // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 1. С. 183 - 198 и др.

⁶ Например: Паксютов Г.Д. Влияние стриминговых сервисов на киноиндустрию и стратегию «мягкой силы» Китая // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 122 - 135; № 3; Солги Т., Старовойтова И.Е. Кино как инструмент «мягкой силы» и его влияние на культурный капитал страны // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 1 (37). С. 167 - 172; Леонтьев Е.Д. Спорт как элемент «мягкой силы» государства // Вестник государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1 (846). С. 40 - 44; Кузюра Ю.С., Рычкова А.Л. Роль спорта как инструмента «мягкой силы» в политике стран АТР // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4449 - 4455; Смирнов В. Индустрия впечатлений как пространство приложения «мягкой силы» // Индустрии впечатлений. 2022. № 1. С. 117 - 136; Подосокорский Н.Н. «Мягкая сила» тиктока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 2. С. 117 - 146; Иванченко В.С., Чимерис Е.С. Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8. С. 2473 - 2486; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Р. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 1 (56). С. 62 - 72 и др.

⁷ Отметим в этой связи три работы: Антюхова Е.А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 10. С. 86 - 98; Борзова А.Ю., Николашвили Н.Д. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой» силы // Современная Европа. 2021. № 3 (103). С. 38 - 49; Муратшина К.Г., Бородина Е.А. Культурные связи Китая и Индии: битва «мягких сил»? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 10. С. 27 - 33.

взгляд на «мягкую» силу как на фактор международной политики⁸. И те работы, которые написаны в «проблемном» ключе и посвящены анализу различных составляющих «мягкой» силы, также обычно имеют конкретизирующую и в то же время ограничивающую их страноведческую привязку⁹. Однако на самом деле «мягкая» сила – это феномен, имеющий более широкое значение. Обладать «мягкой силой» могут не только государства, но и другие политически значимые акторы – например, церковь, возникшие вне государственной системы органы самоуправления (как, например, советы в период российской революции 1905 – 1907 гг.), крупные корпорации, в отдельных случаях (нередко ситуативно) отдельные научные, просветительские, образовательные организации. Так, в СССР в специфической ситуации конца 1980-х гг. влиятельным носителем «мягкой» силы стала Академия наук – не столько потому что избирательный закон 1988 г. наделил эту организацию статусом политического субъекта (за ней было закреплено 20 вакансий народных депутатов СССР), сколько потому, что она пользовалась большим доверием и авторитетом в обществе, при том, что целый ряд представителей академического сообщества стали в то время «властителями дум» немалой части населения страны. В последнее время одним из значимых и нередко самостоятельных субъектов не только внутренней, но уже и внешней политики выступают сети неправительственных организаций¹⁰.

Что же касается государства, то его «мягкая» сила всегда проявляется одновременно в двух проекциях – внутренней и внешней. По понятным причинам эти проекции в той или иной степени различаются, хотя и тесно связаны между собой. Другой вопрос, что «мягкую» силу проще представить как особый предмет исследования тогда, когда субъект и объект воздействия четко разделены, а «мягкая» сила совершенно определенно направлена от субъекта к объекту. Но в тех случаях, когда речь идет об отношениях государства к собственному населению (внутренняя проекция «мягкой» силы), данное условие не может быть строго соблюдено, поскольку граждане государства инкорпорированы в политическое тело этого государства, не отделены от него и в

⁸ См. об этом: Касюк А. «Мягкая сила и ее роль во внутренней политике государства // Вестник российской нации. 2019. № 1. С. 93 - 105.

⁹ Например: Темербаева А.С. Американские кинокомиксы как инструмент «мягкой силы» США // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 3 (104). С. 40 - 44; Бу Р.Х. Туризм и внешняя политика Китая. СПб: Нестор-история, 2021; Антюхова Е.А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 123 - 136; Андреев И.А. Китайское кино: контуры «мягкой силы» // П.О.И.С.К.: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1 (72). С. 101 - 109; Катасонова Е.Л. Япония – Южная Корея: поп-культурные войны // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 221 – 239.

¹⁰ Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: дис. ... доктора политических наук. М.: 2011.

определенном смысле составляют с ним одно целое. Учитывая эти соображения и принимая во внимание общеметодологический принцип последовательного усложнения теоретической модели предмета исследования, нам было удобнее продемонстрировать результаты анализа сущностных характеристик феномена «мягкой» силы в диссертации, главным образом, на основе описания её внешних проекций.

Особое внимание при этом было уделено инструментально-техническим и институциональным аспектам формирования и продвижения привлекательных образов ведущих мировых держав – США, КНР и России. В диссертации мы использовали и систематизировали разнообразный материал, характеризующий социокультурные основания политических практик. Так, когда речь идет о «мягкой» силе США, мы опирались на обширную историко-политологическую литературу, посвященную так называемой американской мечте, американизации, продвижению американских интересов¹¹ и публичной дипломатии США¹². Существенную помощь в понимании технологий «мягкой» силы США оказывала и литература, описывающая мировое влияние американской кино- и медиаиндустрии, а также поп-культуры¹³. В процессе изучения исторической динамики «мягкой» силы Китая и её социокультурных оснований диссертант опирался на научные публикации китайских авторов¹⁴, на работы российских китаеведов и зарубежных ученых, исследовавших транслируемые в информационное пространство образы этой страны в контексте особенностей китайской культуры¹⁵.

¹¹ Согрин В.В. Американская цивилизация. М.: Весь мир, 2020; Супоницкая И.М. Цивилизация США. Контуры истории. М.: URSS, 2017; Stead W.T. Americanization of the World, or The Trend of the Twentieth Century. Whitefish, Montana: Kessinger Publishing, 2011; Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin Press, 2004; Nolan M. Visions of Modernity. American Business and the Modernization of Germany. N.Y., Oxf.: Oxford Univ. Press, 1994; Moffett S.E. The Americanization of Canada. N.Y.: Columbia University, 1907.

¹² Великая А.А. Публичная дипломатия России и США. М.: Аспект-пресс, 2023; Hart J. Empire of Ideas: The Origins of Public Diplomacy and the Transformation of US Foreign Policy. N.Y.: Oxford University Press, 2013.

¹³ Артамонова У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 76 - 90; Юсев А. Кинополитика. Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М.: Альпина паблишер, 2017; Артюх А.А. Новый Голливуд. История и концепция. СПб.: Алетейя, 2015; Артюх А.А. Время конгломератов. Последствия глобализации американской киноиндустрии // Искусство кино. 2010. № 3. С. 79 - 87; Kooijman J. Fabricating the Absolute Fake. America in Contemporary Pop Culture. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2013.

¹⁴ Биндин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. 2022. № 1 (61), С. 23 - 25; Лю Хаочунь, Цю Ипин. Китайское телевидение за рубежом как канал «мягкой силы» Китая // Научный аспект. 2022. Т. 3 № 4. С. 23 - 25; Ци Юэшэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. 2017. № 10. С. 148 - 154 и др.

¹⁵ Зиганьшин Р.М. Мягкая сила Китая. М.: Ин-т востоковедения, 2022; Кобзева М.А. Дискурсивная власть Китая: инструменты и стратегия // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 173 - 184; Янгутков Л.Е. Буддизм как фактор мягкой силы в политической стратегии Китая // Философская мысль. 2019. № 10. С. 49 - 53; Рогожина Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXXIV. М.: Ин-т востоковедения, 2017. С. 24 - 33; Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // Азия и Африка сегодня. 2017. № 3. С. 2 - 8; Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций, 2016, т. 11, № 1. С. 92 - 125; Сафонова Е.А. Стратегия «Один пояс,

Надо отметить, что для характеристики «мягкой» силы России также большое значение имеют не только официальные источники и политологические исследования, но и литература по русской культуре, в том числе классического периода («золотой» и «серебряный» века), работы по диалогу русской и зарубежных культур, международным связям русских писателей, художников, ученых и т.п. Эта литература столь обширна, многогранна и в целом пользуется такой известностью в научных кругах, что, кажется, нет необходимости давать на нее специальную ссылку. Упомянем только ряд особенно полезных для раскрытия темы нашей диссертации работ, посвященных технологиям, институтам и опыту продвижения советского влияния на Западе и на Востоке: деятельности различных организаций солидарности с Советской Россией, «идейной» эмиграции в СССР, культурной, церковной и публичной дипломатии советского периода, формированию образа «весны человечества», научным и культурным обменам и др.¹⁶

Наряду с этим, проблематика «мягкой» силы России, на наш взгляд, имеет ещё одно специфическое проблемное измерение, которое в современной политической ситуации приобретает особую значимость. А именно: оценивая потенциал «мягкой» силы России и условия её применения нельзя пройти мимо исторически укорененной на Западе традиции рассматривать ее как «варварскую страну», которая (традиция), надо признать, нередко оказывает определенное влияние и на восприятие образа России самими россиянами. Этой

один путь» как носитель «мягкой силы» Китая // Новый шелковый путь и его значение для России. М.: ИДВ, 2016; Dooley H. J. The Great Leap Outward: China's Maritime Renaissance // The Journal of East Asian Affairs. 2012. Vol. 26. № 1. P. 53 - 76; Shambaugh D. China's Soft-Power Push – the Search for Respect // Foreign Affairs. 2015 July/August. P. 99 - 107; Glaser B., Murphy M. Soft Power with Chinese Characteristics: The Ongoing Debate // Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. March, 2009. URL: https://books.google.ru/books?id=6ac9xoleRJwC&pg=PA10&hl=ru&source=gbp_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (дата посещения 24.05.2020).

¹⁶ Логвенков И.С. Образ советского прошлого как фактор «мягкой силы» России // Современный мир: стратегии развития, технологии и образы будущего. Материалы международной научно-практич. конференции. М.: НИУ МЭИ, 2020. С. 231 - 235; Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130 - 149; Докучаева С.В., Никонова О.Ю. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950 - 1960-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 1. С. 14 - 17; Трегубов Н.А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. 2017. № 4. С. 22 - 31; Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016; Устюжанцева О.В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 43 - 64; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921 – 1941 годы. М.: Новое лит. обозрение, 2015; Алленов С.Г. «Да», которое мы говорим России, означает «нет» Западу (истоки и метаморфозы «восточной ориентации» немецкого национализма 1910-х – 1920-х гг.) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 2 (65). С. 120 - 137; Холландер П. Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928 – 1978. СПб.: Лань, 2001; Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Princeton Univ. Press, 1960.

темой занимались как российские, так и зарубежные ученые¹⁷. В то же время в контексте проблемы эффективности «мягкой» силы России нам казалось важным специально обратить внимание и на противоположное явление – зарубежное русофильство, представленное в разные исторические периоды и в разных странах яркими общественными деятелями и интеллектуалами¹⁸. Это явление изучено меньше и, на наш взгляд, наследие данной традиции до последнего времени недостаточно использовалось для смысловой аранжировки образа России и укрепления её политического влияния.

Что касается «мягкой» силы России наших дней, то на текущий момент она исследована довольно фрагментарно. Существующая литература касается преимущественно отдельных аспектов российской внешнеполитической пропаганды и национальной безопасности¹⁹, а также использования инструментов «мягкой» силы для укрепления российского влияния в отдельных странах и регионах²⁰. Вопрос о связи внешней и внутренней проекций «мягкой» силы при этом, как правило, не ставится. И, насколько можно судить, ни обобщающих, ни установочных политологических

¹⁷ Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 30 - 45; Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88 - 98; Купина Н.А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 82 - 90; Попова Е.А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2022. № 12. С. 40 - 45; Небренчин С.М. Русофобия в медиа-войне против России: целеполагание, контент, технологии // Информационные войны. 2020. № 2. С. 18 - 22; Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Паулсен, 2016; Неменский О.Б. Русофобия. Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 5. М., 2014; Poe M.T. “A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476 – 1748. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 2000; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Mausoleum. Camb. (Mass), L.: The Belknap Press of the Cambridge University Press, 1999; Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: a Study of the Interaction of Policy and Opinion. N.Y.: Octagon Books, 1971; McNally T. The Origins of Russophobia in France: 1812 - 1830 // American Slavic and East European Review. 1958. Vol.17, № 2. P. 173 – 189.

¹⁸ Васильченко М.А. Российская цивилизация в работах Т.Г. Масарика // Власть. 2021. № 5. С. 159 - 164; Мильчина В.А. «Русский мираж» как прообраз «русской идеи» // К истории идей на Западе: «Русская идея». М.: Изд. Пушкинского дома, Изд. дом «Петрополис», 2010. С. 206 - 217; Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. М.: РОССПЭН, 2004; Whale S. W. Madame Adam (Juliette Lambert). La Grande Française: From Louis Philippe until 1917. L.: Chapman and Hall, 1917.

¹⁹ Погорлецкий А.И. «Мягкая сила» и экспортный потенциал России в несырьевых секторах экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 102 - 110; Эфендиева Н.Э.К. Лингвокультурная организация инноваций в МИА «Россия сегодня» // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 247 - 255; Агеева А.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике России: проблемы и перспективные решения // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 190 - 193; Чаевич А.В. Мягкая сила как фактор обеспечения национальной безопасности современной России. М.: Спутник, 2019; Толоконникова А.В., Будакова Д.О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 5. С. 89 – 119.

²⁰ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. 2021. № 9. С. 25 - 41; Кошкарова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 87 - 100; Салимова Э.А. «Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в арабских странах // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 73 - 78; Калитко И.И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2020. Т. 10. № 3. С. 29 - 36; Саримсоков З.С. Инструменты «мягкой силы» России и их применение в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 5. С. 1267 - 1279 и др.

исследований, дающих теоретическую основу для разработки стратегии наращивания «мягкой» силы России исходя из ее специфических возможностей, традиций, политического опыта, в нашем распоряжении пока нет. По сути дела, данная проблема всё ещё остается неразработанной; в имеющихся преимущественно страноведческий уклон публикациях она в конструктивном ключе практически не обсуждается.

Объектом исследования в диссертации является взаимодействие акторов публичного политического пространства.

Предметом исследования выступает феномен «мягкой» силы, в анализе которого можно выделить две стороны: с одной стороны, саму способность социально организованных политических акторов, в первую очередь государств, к осуществлению направленного воздействия на других представленных в политическом пространстве субъектов без применения к ним прямого принуждения, а с другой стороны – обеспечивающий формирование и реализацию этой способности комплекс разнородных факторов, включающий в себя различные институциональные структуры, технологии влияния, элементы политической культуры, ценностные установки, идеалы и образы массового сознания, политические концепции и основанные на этих концепциях стратегии влияния.

Цель исследования – изучение природы феномена «мягкой» силы на основе сопоставления технологий и институтов политического влияния ведущих мировых держав – США, КНР и России, а также обоснование принципа разнообразия (плюрализма) исторически сложившихся моделей «мягкой» силы.

Исследовательские задачи, решение которых позволяет достигнуть заявленной цели, состоят в том, чтобы:

- раскрыть природу «мягкой» силы в контексте проблематики политической власти и политического влияния;
- исследовать особенности взаимодействия субъектов политического пространства в процессе применения технологий «мягкой» силы;
- разработать динамический подход к феномену «мягкой» силы, представляющий ее формирование и реализацию как многофазный политический процесс, протекающий в меняющейся политической среде и в меняющихся социально-исторических условиях;
- рассмотреть особенности институционального оформления и технологий применения «мягкой» силы в политической практике различных государств; провести параллельный анализ «мягкой» силы, сконцентрированной на основных полюсах формирующегося многополярного мира (США, КНР и Россия), дать им оценку по эффективности применения технологий «мягкого» влияния в различных социально-исторических ситуациях.

- исследовать социокультурную основу процессов формирования и функционирования «мягкой» силы России, США и КНР;
- разработать типологию моделей «мягкой» силы, раскрыть связь различных типов «мягкой» силы с национальной культурой, менталитетом, политическими и культурными традициями.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что «мягкая» сила – это не статичное свойство политических субъектов (как его рассматривал, в частности, Дж. Най), а динамическое качество, представляющее собой функцию как от меняющегося внутреннего состояния самих этих субъектов, так и от вызовов окружающей их политической среды.

Теоретические основы исследования и использованные методы. Как уже отмечалось выше, современная политическая наука располагает достаточно обширной литературой по «мягкой» силе. В то же время дискуссии показали, что теоретическое осмысление феномена «мягкой» силы все еще не доведено до необходимого уровня методологической корректности. Причины этого разбираются в основном в первой главе диссертации, в которой использовались стандартные методы анализа научных понятий и теорий – выявление противоречий, указание на неполноту описания фактов, оценка обоснованности категориальных дистинкций, характеристика меры объективности в отношении предмета исследования и др.

Анализируя технологии «мягкой» силы и практики их использования, диссертант пришёл к выводу, что «мягкую» силу можно отнести к тому классу феноменов, которые в современных исследованиях по методологии научного познания выделяются в особый класс так называемых «сложностных» объектов²¹. Такие объекты не могут быть адекватно поняты в рамках классической парадигмы методологической схематизации, разделения на части и познания этих частей (аспектов) в отдельности²², в том числе – в рамках отдельных специализированных подходов. В «мягкой» силе есть и собственно политические, и социокультурные, и коммуникативные, и социально-психологические аспекты, но их невозможно отделить друг от друга, и рассматривать их надо во взаимной связи и единстве. Для этого необходим «охватывающий» интегративный метод, в рамках которого все эти специализированные («частичные») методы и соответствующие языки описания, подобно пазлам, складываются в единую «картину явления». Если принять основную гипотезу

²¹ См. напр.: Майнцер К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

²² Ср.: Аршинов В.И. На пути к сетецентрическому пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 36.

исследования, согласно которой «мягкая» сила представляет собой не статичное свойство, а динамическую функциональную характеристику, то такую интегрирующую роль, на наш взгляд, может сыграть *метод историко-политологического анализа*, позволяющий представить «мягкую» силу тех или иных политических субъектов (в том числе ведущих стран мира) в процессе становления и эволюции. В этой связи диссертант обращается к *методу нарративного анализа* как способу представления политической истории и истории культуры, включая историю ментальностей. При этом показано, что на каждом этапе своей эволюции «мягкая» сила того или иного политического субъекта представлена как единство смыслов, формирующих образ (имидж) этого субъекта (*системный подход*). В диссертации применён *метод параллельного анализа*, создающий основу для сопоставления институциональной инфраструктуры и технологий «мягкой» силы мировых держав, что позволяет рассматривать представленную на защиту работу как пример *политической (политологической) компаративистики*. С целью дифференцированной количественной оценки реальной действенности «мягкой силы» США, КНР и России используются данные социологических исследований (*метод вторичного социологического анализа*).

Источниковая и эмпирическая база исследования. В качестве источников, на которые опиралось проведённое исследование, использовались официальные политические документы²³, установочные выступления и публикации американских²⁴, китайских²⁵ и

²³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023) URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата посещения 11.05.2023); Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9.11.2022). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

²⁴ Remarks by President Biden before the 76th Session of the UN General Assembly // White House, September 21, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/21/remarks-by-president-biden-before-the-76th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (access 11.05.2023); Bush, J. Remarks Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in New York City // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-accepting-the-presidential-nomination-the-republican-national-convention-new-york> (access 3.11.2022); Inaugural Address of J.F. Kennedy. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c04aa28b-636542f0-8173cf04-74722d776562/https/web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/president/inaug/kennedy.htm (access 3.11.2022); President Harry Truman's Address before a Joint Session of Congress, March, 12, 1947. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp (access 3.11.2022); Roosevelt T. True Americanism // The Works of Theodore Roosevelt. American Ideals. New York and London, The Co-operative publication society, 1896. P. 31 – 50.

²⁵ Си Цзинпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 16 октября 2022. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата посещения 10.06.2023); Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзинпин на XIX съезде КПК // Сайт агентства «Синьхуа». URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата посещения 11.05.2023); Стремиться к общему и устойчивому развитию, создавать партнерство на основе сотрудничества и взаимовыигрыша. Выступление Председателя КНР Си Цзинпина на саммите ООН по развитию/ 28.11.2015 // Сайт посольства КНР в Москве. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/QQ13/201512/t20151202_3113372.htm (дата посещения 10.06.2023)

российских²⁶ политических лидеров, материалы, размещаемые на сайтах официальных учреждений (Официальное Интернет-представительство Президента России Kremlin.ru, МИД РФ, Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Белый дом, Госдепартамент США, Посольство КНР, Китайский фонд международного образования, Форум китайско-африканского сотрудничества и др.²⁷), а также аналитических центров, публикующих важные для понимания эффектов «мягкой» силы данные социологических исследований (Gallup, Pew Research Centre, Portland Communications, Institut für Medien- und Kommunikationspolitik и др.²⁸), отдельные произведения мемуарной литературы²⁹.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Разработана концептуальная основа для анализа политических взаимодействий. Исследованы смысловые связи и соотношение концепта «мягкой» силы с фундаментальными категориями политической науки («политическое», «власть», «влияние», «пропаганда»), введены новые дескриптивные понятия, расширяющие возможности научного описания и анализа феномена «мягкой» силы («политическая акупунктура», «имиджевые циклы», «эмпатический интерес» и др.). Предложена трактовка «мягкой» силы как *реляционного* понятия, относящегося не столько к абсолютным, сколько к относительным и притом интерактивным свойствам политических субъектов.
2. Предлагается новый ракурс критического анализа парадигмальной концепции «мягкой» силы Дж. Ная – с точки зрения характеристики эпистемологического статуса разработанной им американоцентричной модели «мягкой» силы. В отличие от большинства критиков данной концепции, ограничивающихся возражениями частного характера, диссертант доказывает, что данная концепция в принципе не обладают той степенью универсальности и объективности, которая позволила бы квалифицировать её как *научную* теорию.
3. Функциональный подход к феномену «мягкой» силы в диссертации впервые системно увязан с принципом историзма: «мягкая» сила рассматривается не только как функционально-технологическая характеристика взаимодействия политических субъектов, но и как явление политической истории, как имеющий определенные социокультурные

²⁶ Путин, В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 27.02.2012.

²⁷ Официальные Интернет-адреса (в порядке упоминания): <http://www.kremlin.ru/>; <https://www.mid.ru/>; <https://rs.gov.ru/>; <https://russkiymir.ru/>; <https://www.whitehouse.gov/>; <https://www.state.gov/>; <http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/>; <https://cief.org.cn/>; <http://www.focac.org/eng/>.

²⁸ Интернет-адреса (в порядке упоминания): <https://www.gallup.com/home.aspx>; <https://www.pewresearch.org/>; <https://portland-communications.com/>; <https://medienpolitik.eu/>.

²⁹ В частности: Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. – М.: АСТ, СПб: Полигон, 2009; Маркес, Г. СССР: 22400000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Габриэль Гарсиа Маркес. Палая листва. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 462 – 500; Робертсон, Р. Черный о красных. 44 года в Советском Союзе. Автобиография черного американца. / Роберт Робинсон. Пер. с англ. Г. Лапиной.— СПб.: Симпозиум, 2010.

основания и свою особую динамику политический процесс.

4. В диссертации впервые в российской политической науке представлен параллельный анализ процессов формирования и эволюции «мягкой» силы ведущих глобальных держав – США, КНР и России на временных интервалах большой протяжённости.

5. Разработана оригинальная типология моделей «мягкой» силы, основанная на различиях в её («мягкой» силы) интегральной смысловой направленности (проектный, посреднический, инерционный, компенсаторный типы).

6. На базе исторического подхода к процессам формирования институтов и технологий политического влияния обоснована принципиальная многовариантность моделей «мягкой» силы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В контексте общей концепции политических взаимодействий следует четко различать политическую власть и влияние. Политическое влияние, в отличие от власти, не предполагает институционального отношения соподчиненности между политическими субъектами и, таким образом, «мягкую» силу надо рассматривать как специфический фактор политического влияния.

2. Понятие «мягкой» силы отражает важные особенности взаимодействия представленных в политическом пространстве субъектов. Но первоначальная концептуализация «мягкой» силы, ориентированная почти исключительно на западные (в особенности американские) политические практики, должна рассматриваться не столько как научная концепция, сколько как представление одного из феноменов политической реальности в «превращенных» формах идеологии. Из этого следует необходимость разработки альтернативных трактовок «мягкой» силы на базе сопоставления и параллельного анализа политического опыта различных стран, включая Россию.

3. Формирование «мягкой» силы и ее использование представляет собой *особый политический процесс*, связанный с социальной и политической историей той или иной страны и отражающий социально-исторические условия, состояние данного общества в тот или иной момент исторического времени, его политическую культуру, традиции и особенности развития.

4. В контекстах взаимодействия политических акторов и субъектов политического пространства «мягкую» силу следует оценивать не с точки зрения соответствия какой-либо «образцовой» модели (например американской), а с точки зрения реальной эффективности её применения с учётом наличных ресурсов, а также конкретных интересов и целей применяющих «мягкую» силу политических субъектов.

5. Различные исторически сложившиеся варианты «мягкой» силы можно обобщенно сгруппировать в несколько основных типов: проектный, посреднический, инерционный и компенсаторный. «Мягкая» сила глобальных держав, в том числе США, КНР и России, тяготеет к проектному типу, отличающемуся от остальных тем, что её составной частью является определённый предлагаемый всему человечеству проект будущего.

6. «Мягкая» сила России сопоставима по качеству с «мягкой» силой других глобальных держав – США и КНР. Она опирается на наработанные в разные периоды истории оригинальные технологии «мягкого» влияния, а также на разветвленную институциональную инфраструктуру. Динамическая траектория «мягкой» силы России на длительных исторических периодах имеет нелинейную конфигурацию с чередованием повышающих и понижающих фаз. В целом после 2000 г. наблюдается переход процесса в повышающую фазу; при этом, однако, выявляются определённые проблемы, трудности и препятствия, снижающие привлекательность позитивного образа России. Среди них в первую очередь следует назвать развёрнутую на Западе антироссийскую кампанию, сопровождаемую попытками «отмены» российской культуры, ревизией итогов Второй мировой войны и широкой популяризацией глобальными СМИ искажённых представлений об историческом пути России и её вкладе в мировую историю.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в разработку научного понимания феномена «мягкой» силы, альтернативного широко распространённой американоцентричной концепции Дж. Ная.

Практическая значимость исследования обусловлена запросами современной политической практики на технологии «мягкого» воздействия, учитывающие политический опыт, специфические ресурсы страны и запросы, вытекающие из особенностей той или иной конкретной политической ситуации. Материалы диссертации могут быть использованы в преподавании дисциплин «Политология», «Международные отношения» и «Основы российской государственности», а также для подготовки учебных пособий.

Область диссертационного исследования. Содержание работы соответствует областям исследований 2, 14, 15, 16, 24, 29, 30 паспорта специальности 5.5.2 – «Политические институты, процессы, технологии».

Апробация работы. Надежность теоретико-методологической базы исследования основывается на анализе и обобщении значительного числа опубликованных и признанных в научном сообществе результатов исследований российских и зарубежных авторов. Основные результаты диссертационного исследования раскрываются в статье, входящей

в МБД, 4 статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК, в ряде других публикаций, а также в выступлениях на всероссийских и международных конференциях: V Международной научной конференции «Арефьевские чтения» (Москва, НИУ МЭИ, 2019), XII гуманитарной научно-практической конференции «Лефортовские чтения» (Москва, НИУ МЭИ, 2020), Международной научной конференции «Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития» (Краснодар, Краснодарский гос. институт культуры, 2021), Международной научно-практической конференции «СССР: социальный опыт и культурные ценности» (Москва, Литературный институт им. А.М. Горького, 2022).

Структура диссертации, которая определяется её целями и научными задачами, состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также электронных ресурсов.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, анализируется степень ее разработанности, дается характеристика актуальности и новизны, целей и задач исследования, а также его методологии, формулируются положения, выносимые на защиту, дается информация о публикациях по теме исследования и апробировании его результатов.

Первая глава диссертации «Концепция мягкой силы в контексте проблематики политической власти и влияния» посвящена исследованию теоретических предпосылок и условий возникновения данной концепции, ее эпистемологическому статусу, анализу содержательных и логико-методологических аспектов ее формирования, характеристике места концепта «мягкая сила» в категориальной системе современной политологии как развивающейся области знания.

Основной задачей первого параграфа данной главы является разработка основ теории политического взаимодействия. Главное внимание уделено понятию политического влияния, выявлению и систематизации его разновидностей, а также характеристике различных инструментов и технологий влияния. Предлагается ряд признаков и критериев, позволяющих разграничивать власть и влияние. «Мягкая» сила трактуется в этом контексте как одна из форм политического влияния, которая в современной политике приобретает ключевое значение. Критически анализируется введенное американским политическим аналитиком Дж. Наем разграничение «мягкой» и «жесткой» силы; выявляются логические и содержательные ограничения разработанной на этой основе модели политических взаимодействий, трактующей «мягкую» силу как «соблазнение», равно как и различных ее модификаций («умная сила», «острая сила», «репрезентационная сила», «нормативная

сила» и т.п.).

Во втором параграфе первой главы «мягкая» сила рассматривается в контексте многообразия политического и культурно-исторического опыта. Диссертант доказывает, что как первоначальная концепция Дж. Ная и ее модификации, так и разработанные на ее основе теории других американских и европейских теоретиков не обладают необходимой для эффективной политической теории универсальностью. Все они так или иначе ориентированы на западные политические ценности (а разработки Дж. Ная к тому же и на модель американоцентричного глобального мира). В противовес этому диссертант формулирует концепцию вариативности феномена «мягкой» силы, которая не имеет какой-то одной «канонической» формы. Предложена основанная на дифференцированном анализе ресурсов и возможностей различных политических субъектов типологизация форм «мягкой» силы (проектный, посреднический, инерционный и компенсаторный типы). Одновременно диссертант вводит в анализ «мягкой» силы отсутствующее в разработанных на сегодняшний день ее трактовках историческое измерение, доказывая, что «мягкая» сила того или иного политического субъекта должна рассматриваться как своего рода переменная, динамика которой зависит не только от колебаний политической конъюнктуры, но и от тех глубинных процессов, которые принято называть ходом истории.

Вторая глава диссертации «Американский вариант «мягкой» силы: имиджевая основа, институты, технологии влияния» представляет собой исследование, показывающее как, при каких условиях и обстоятельствах формировались различные компоненты «мягкой» силы США, а политическое влияние этого государства постепенно расширилось до глобального.

Глава начинается параграфом, посвященным возникновению и трансформации так называемой «американской мечты», которая ещё в первой половине XIX в. стала важным фактором распространения симпатий к молодой американской демократии и американскому образу жизни.

Во втором параграфе этой же главы показано, как на почве увлечения «американской мечтой» возникает специфическое явление американизации. При этом основное внимание уделяется анализу американизации как политической идеи, составляющей культурно-психологическую основу наращивания американского влияния, «мягкой» силы США.

В третьем параграфе второй главы содержится анализ трансформации американского идеологического, культурного и экономического влияния в способность целенаправленно воздействовать на политику других стран (т.е. в «мягкую» силу в

собственном смысле слова). Раскрываются этапы данного процесса, освещается роль в его развитии таких крупных политических деятелей США, как В. Вильсон, Т. Рузвельт, Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди и др. Исходя из этого дается общая характеристика американской модели «мягкой» силы с акцентом на выявление ее технологического и институционального своеобразия, а также факторов её эффективности. Обобщая американский опыт политического влияния, диссертант делает вывод, что наращивание этого влияния следует рассматривать как многофазный процесс и предлагает разработанную им модель данного процесса.

В третьей главе диссертации «Культура в функции «мягкой» силы: политический и интеллектуальный опыт КНР» рассматривается трактовка проблематики «мягкой» силы в китайской политической науке, освещается стратегия использования инструментов и технологий «мягкой» силы в политической культуре и политической практике КНР.

В первом параграфе главы отмечается особое значение фактора «мягкой» силы для реализации политического курса современного Китая и создания благоприятного имиджа «ответственной державы», порвавшей с воинственной риторикой маоизма. В данном параграфе рассматривается эволюция китайского дискурса «мягкой» силы, освещаются характерные особенности китайской политики наращивания влияния.

Второй параграф третьей главы диссертации посвящен анализу разработанных китайскими политологами подходов к пониманию феномена «мягкой» силы и сопоставлению их с теми подходами, которые получили признание в США и на Западе в целом. Опираясь на этот анализ, диссертант показал, что в Китае сложились свои собственные взгляды на «мягкую» силу, альтернативные тем моделям «мягкой» силы, которые на Западе имплицитно рассматриваются как нормативные. В качестве теоретической основы китайской стратегии мирового влияния, ориентированной на максимально эффективное использование «мягкой» силы КНР и ее специфических преимуществ, выступает концепция *могущественного культурного государства*. В данном параграфе рассматриваются также признаваемые китайскими экспертами уязвимости китайской версии «мягкой» силы, освещаются взгляды китайских экспертов на пути развития и совершенствования китайского потенциала духовного влияния. Диссертант оценивает стратегию китайского «культурного государства» дифференцированно, опираясь при этом на данные международных социологических исследований. В целом, как показано в диссертации, эта стратегия имеет определенный успех, и это можно рассматривать как доказательство отстаиваемого автором диссертации тезиса о

принципиальном плюрализме моделей «мягкой» силы, которые надо оценивать не с абстрактно нормативных позиций, а с точки зрения выработки технологий влияния под конкретные политические задачи.

Четвертая глава диссертации («Мягкая сила России: процесс формирования и историческая эволюция») посвящена обобщению исторического опыта России как субъекта «мягкой» силы. В первом параграфе четвертой главы в исследование феномена «мягкой» силы вводится новый параметр анализа, который необходим для построения реалистической модели действия «мягкой» силы. Это – противодействие внешнего окружения, которое может быть весьма активным и целенаправленным. Рассматривая эволюцию «мягкой» силы России XIX – начала XX в. диссертант останавливается как на позитивных примерах её применения, так и на факторах, существенно ограничивавших потенциал её влияния.

Аналізу советского опыта формирования и использования технологий «мягкой» силы посвящен второй параграф четвертой главы диссертации. В этой связи особенно подробно рассматривается становление и развитие советской культурной дипломатии. Не уходя от вопроса об ограничениях и внутренних противоречиях советской культурной дипломатии, диссертант раскрыл её инновационный характер и указал на её креативные находки. В диссертации уделено значительное внимание процессу формирования и эволюции её институциональной основы, методов и технологий.

Характеризуя динамику «мягкой» силы Советского Союза периодов его расцвета и упадка, диссертант рассматривает процесс развития и разрастания её институциональной инфраструктуры, описывает процесс расширения состава ее элементов, выявляет характерные особенности её применения на протяжении нескольких послевоенных десятилетий.

В заключительном – третьем – параграфе четвертой главы проводится анализ потенциала «мягкой» силы современной России. На основе проведенного анализа сделан вывод о начавшемся процессе регенерации «мягкой» силы России после упадка 1990-х гг. Выявляются различия в трактовке «мягкой» силы между Россией, США и КНР и связь этих различий с политическим опытом упомянутых стран. Обосновывается трактовка «мягкой» силы как *реляционного* понятия. Эмпирическим подтверждением выводов автора служат данные социологических исследований.

В **Заключении** подводятся итоги и формулируются основные выводы, которые следуют из проведенного исследования. Проведенный в диссертации анализ публикаций по теме исследования показал, что феномен «мягкой» силы является одним из самых

актуальных и активно обсуждаемых предметов политической науки. В то же время системное понимание данного феномена по ряду причин, подробно разбираемых в диссертации, ещё не удалось выработать. Анализируя причины, ограничивающие объяснительные возможности существующих в современной политической науке трактовок «мягкой» силы, диссертант пришёл к выводу о том, что последняя должна пониматься не как некое статичное качество, а как многосложный процесс, динамика которого обуславливается широкими социально-политическими контекстами, включающими в себя такие факторы, как политическая культура субъектов «мягкой» силы, доступные им ресурсы, их стратегические цели и интересы, характер взаимодействия с внешним окружением и др. Исходя из этого, автор предложил и обосновал концепцию многовариантности моделей «мягкой» силы, подтверждением которой стал параллельный анализ институциональных основ и технологий «мягкой» силы ведущих глобальных держав с оценками меры их влияния и эффективности, основанных на данных международных социологических исследований. Остановившись особенно подробно на характеристике «мягкой» силы России, диссертант доказывает, что начиная с 2000-х гг. происходит процесс её регенерации после упадка 1990-х гг., однако дальнейшее развитие данного процесса будет обусловлено прежде всего способностью разработать и предложить новый глобальный проект в интересах всего человечества.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в Международные базы данных

1. Андреев И.А. (в соавт.). Представления россиян о будущем России // СОЦИС. Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49 – 61. (SCOPUS Q2, WOS)

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Российским университетом дружбы народов им. Патриса Лумумбы:

1. Андреев И.А. Китайское кино: контуры «мягкой силы» // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1 (72). С. 101 – 109.
2. Андреев И.А. «Мягкая сила» Китая и ее проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии РАН. 2019. Т. 10. № 2. С. 90 – 106.
3. Андреев И.А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник института социологии РАН. 2020. Т. 11. № 3. С. 143 – 154.
4. Андреев И.А. «Мягкая сила» на Западе и на Востоке: проблема эффективности // Власть. 2021. № 4 (29). С. 102 – 108.

Статьи в иных изданиях:

1. Андреев И.А. Память Победы и «мягкая сила» современной России // Лефортовские чтения. 75 лет Победы в Великой Отечественной войне и 90 лет МЭИ. М.: Изд. МЭИ, 2020. С. 210 – 213.

Андреев Иван Андреевич

Феномен «мягкой» силы:

концептуальные, институциональные и технологические аспекты

Диссертация посвящена исследованию феномена «мягкой» силы и роли «мягкой» силы в современной политике. Освещается генезис концепции «мягкой» силы в современной политической науке, а также эволюция этой концепции под влиянием осмысления меняющихся политических реалий; рассматриваются теоретические основы концепции «мягкой» силы, в контексте проблем современной политической науки, анализируется соотношение «мягкой» силы, политического влияния и политической власти. На основании сравнительного историко-политологического анализа разработана типология моделей силы, обоснована их принципиальная многовариантность, исключающая признание какой-либо из таких моделей в качестве образцовой или универсальной. Раскрывается связь различных типов «мягкой» силы с национальной культурой, менталитетом, политическими и культурными традициями той или иной страны. Сущностные черты феномена «мягкой» силы раскрываются на основе параллельного анализа и сопоставления институциональных основ и технологий использования «мягкой» силы ведущими глобальными державами – США, КНР и Россией.

Andreev Ivan Andreevich

The Phenomenon of "Soft" Power: Conceptual, Institutional and Technological Aspects

The dissertation is devoted to the study of the phenomenon of "soft" power and the role of "soft" power in modern politics. The genesis of the concept of "soft" power in modern political science is highlighted, as well as the evolution of this concept under the influence of understanding changing political realities; the theoretical foundations of the concept of "soft" power are considered, the relationship of "soft" power, political influence and political power is analyzed in the context of the problems of modern political science. On the basis of comparative historical and political analysis, a typology of models of "soft" power has been developed, their fundamental multivariance has been substantiated, excluding the recognition of any of such models as exemplary or universal. The connection of various types of "soft" power with the national culture, mentality, political and cultural traditions of a particular country is revealed. The essential features of the phenomenon of "soft" power are revealed on the basis of a parallel analysis and comparison of the institutional foundations and technologies of the use of "soft" power by the leading global powers - the United States, China and Russia.